

ФИЛОСОФИЯ И НОВАТОРСТВО ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

О.А. Егорова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Егорова О.А., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-1-16-22

Аннотация. В статье на основе лексико-семантического анализа рассмотрена проблематика новаторства в ранней поэзии Владимира Маяковского. Проанализирована соразмерность отражения новаторских поэтических приемов в переводах некоторых стихотворений на английский язык. Результаты компаративного анализа поэтического новаторства, обусловленного увлечением поэта философией футуризма, показали значимость неологизмов, преобладающих в авторских метафорах и сравнениях произведений революционно-агитационной направленности.

Ключевые слова: лозунг, футуризм, метафора, сравнение, стихотворный манифест, инверсия, аллегория.

Неповторимость поэтического величия Владимира Маяковского заключается в создании лирики нового калибра на основе переплетения чувственного и публицистики, что стало возможным благодаря слиянию поэтического образа с революционными преобразованиями современного поэту социума. Владимир Маяковский владел редким навыком превращения поэтического слова в успешное средство идеологического противостояния, разворачивающегося под лозунгами социалистической революции 1917 г., которая впечатлила поэта грандиозными трансформациями. Как истинный приверженец большевистского строя, поэт отразил в своих произведениях глубокий патриотизм и любовь к Отечеству, гуманность, а также монументальную идейность, верно служа заветам пролетариата и трудового крестьянства начала XX в.

Отметим, что новаторские поэтические приемы особенно заметны в раннем творчестве Владимира Маяковского. К ним относятся ступенчатая рифмовка при стихосложении, новые элементы в интонационно-фонетической, лексической и синтаксической составляющих произведений поэта, использование неологизмов для наращивания смысловой емкости выражений, а также их насыщение глубоким социальным и революционным пафосом. Во многом данные трансформации предопределены не только внутренним созвучием идей революции психологическому складу поэта-бунтаря, но и философскими истоками футуризма, которым поэт увлекался в мятежные годы начала прошлого века.

В частности, футуризм как авангардный вектор поэзии и живописи начала 1920-х гг., регламентированный в «Манифесте футуризма» 1909 г. итальянским поэтом Ф.Т. Маринетти, акцентировал потребность творцов того времени «отразить в своих картинах ускорение темпа жизни и индустриализацию среды как приметы новой эры» [2, с. 240]. Примечательно, что футуризм развивался на рубеже веков, поэтому его эстетика подразумевала нарочитый отказ от достижений предшествующего культурного слоя, акцент на эпатаже и язвительной сатире с использованием

нестандартных художественных средств, а также погружение в социальную тематику индустриальной и урбанизированной среды. Иначе говоря, в футуризме рассматривалась концепция покорения времени в контексте формирования искусства нового типа, или искусства будущего, прерывающего связь с классическими традициями. Кроме того, футуристы пересматривали структуру художественного пространства таким образом, что концепт времени превращался в категорию особого пространственного измерения, противоречащего принципам перспективного изображения эпохи Возрождения. При этом основным в поэзии футуризма для Владимира Маяковского был синтез лирического и общественного, так как поэт искренне полагал, что революционному народу необходима близкая по духу поэзия, пропитанная в равной степени как любовью, так и политикой. Более того, Владимир Маяковский воспринимал поэта не как аутсайдера, созерцающего жизненные перипетии мимоходом и издалека, а как энергичного участника возможных общественных событий, как реформатора, способного влиять на морфогенез общественного сознания. Сам поэт в одном из очерков о живописи в стиле конструктивизма отмечал, что это «конструктивизм, понимающий формальную работу художника как инженерию, нужную для оформления всей нашей практической жизни» [4, с. 4]. Он также констатировал, что «для стройки новой культуры необходимо чистое место. Нужна октябрьская метла» [4, с. 5].

Обращаясь к философским истокам футуризма, отметим, что многие русские философы, в частности Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев, в разных контекстах осмыслили эстетическую структуру авангардизма. Согласно точке зрения Н.А. Бердяева, футуризм представляет собой «сплошное нарушение черты оседлости бытия, исчезновение всех определенно очерченных образов предметного мира» [1, с. 9], тогда как Д.С. Мережковский и С.Н. Булгаков в своих статьях делают акцент на неотвратимости разрыва современного искусства и культовых ценностей. В ряде постреволюционных статей Д.С. Мережковский описывает революцию как неизбежное насилие, приведшее к разрушению культуры. В частности, детерминируя три этапа в ходе революции, данный философ полагает, что за первым разрушительным этапом революции последует второй, и он будет религиозный, тогда как на завершающей, третьей стадии общество будет преобразовано в «единую вселенскую и владычествующую церковь» [7]. Хотя тезисы Бердяева в отношении искусства более осмыслены и лишены отрицательной категоричности, свойственной Д.С. Мережковскому, он также подчеркивает обусловленность авангардизма культурным коллапсом современности: «Футуризм имеет огромное симптоматическое значение, он обозначает не только кризис искусства, но и кризис самой жизни» [1, с. 4]. Несмотря на противоречивый характер тезисов русских философов о сути футуризма, Маяковский с энтузиазмом воспринял правила нового литературного течения, в том числе и благодаря увлечению живописью. Сам он в 1918 г. успешно сотрудничал с организацией «Окна РОСТА», где создавал агитационные плакаты и лозунги не только кистью, но и поэтическим словом. Неудивительно, что в арсенале его поэзии есть много рифмованных лозунгов на различные темы общественной жизни постреволюционного социума.

Целью настоящей работы является рассмотрение на основе лексико-семантического и компаративного анализа проблематики поэтического новаторства, продиктованного влиянием футуризма, в выборке из 17 стихотворений ранней поэзии Владимира Маяковского. Кроме того, проанализирована соизмеримость отражения новаторских поэтических приемов в некоторых переводах произведений поэта на английский язык.

Рассмотрим стихотворение Владимира Маяковского 1918 г. «Приказ по армии искусства», которое впервые появилось в газете «Искусство коммуны». Данное произведение представляет собой стихотворный манифест, в котором поэт с военной решимостью призывает реформировать инерцию дореволюционных канонов жизни. Обратимся к начальным строкам: *«Канителей стариков бригады канитель одну и ту ж. Товарищи! На баррикады! – баррикады сердец и душ»* [5]. В данных строках новаторство молодого В. Маяковского проявляется в системе рваного стихосложения, ступенчатой рифмовке несогласованных слов, при этом на фонетическом и лексическом уровнях мы замечаем как преобладание риторических восклицаний с повтором слова *«баррикады»*, так и аллитерацию согласных звуков *«р»*, *«ж»* и *«ш»*, используемых для воссоздания атмосферы агитационного воодушевления. В дальнейших строках поэт обращается к творческим индивидуумам посредством ряда прозаизмов, например *«Довольно шагать, футуристы, в будущее прыжок!»* и *«Громоздите за звуком звук»* [5], подразумевая созидание и преодоление слабостей человеческой натуры. Поэт также безапелляционно предлагает распространять искусство в массы, заявляя в манере лозунга: *«На улицу тащите рояли, барабан из окна багром!»* [5]. Далее новаторство поэта проявляется в имплементации авторских метафор на основе синтеза обыденных словоформ и семантически глубоких понятий. Так, в порыве агитации он восклицает: *«Из сердца старое вытри»*, затем дополняет свой риторический тезис каскадом метафор об улицах, воспринимаемых как кисти художника, отмечая также, что *«Площади – наши палитры»* [5]. В результате в данном стихотворении молодой Владимир Маяковский создает гражданскую лирику нового типа, включающую элементы публицистики, которые используются для мощного воздействия поэзии на сознание и чувства трудящегося народа.

Среди стихотворений со схожей силой идеологического влияния примечательно произведение В. Маяковского «Левый марш» 1918 г., посвященное проблематике противостояния большевизма канонам царского миропорядка. По композиционной структуре данное стихотворение представляет собой марш, в котором лирический герой посредством агитационных призывов убеждает матросов переходить на сторону значимой для поэта революции, то есть *«шагать левой»* [5]. Многократное повторение команды *«левой!»* проходит рефреном в ходе всего повествования, актуализируя политическую идеологию левой партии большевизма, приверженцы которой выступали за отмену частной собственности на средства производства и стремились установить социальное равенство с равными возможностями для всех представителей общества. Обратимся к начальным строкам стихотворения: *«Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляuze. Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер»* [5]. В данном четверостишии, или катрене, поэт выступает новатором на интонационно-фонетическом уровне, так как впервые в литературе использует маршевую структуру стихосложения с перекрестной рифмой. Каскадом развернутых авторских метафор в каждой из синтаксически сжатых строк, то есть с опущением некоторых компонентов предложений, поэт призывает матросов заменить пассивную словесную перепалку действиями, в том числе и при помощи оружия. Во второй строке посредством синтаксической инверсии поэт актуализировал эпитет *«словесная кляуза»*, вставленный для сатирического высмеивания неправомерности словесных дискуссий. Кроме того, в финальной строке мы замечаем олицетворение образа оружия, так как *«товарищу маузеру»* разрешено выступить с речью.

Далее обратимся к переводу данных строк Аликом Вагаповым на одном из поэтических сайтов: *“About turn! March! Away with a talk-show. Silence, you speakers! Comrade mauser, you have the floor”* [9]. В начальной строке аналога, переводимой

дословно как *«Поворачивайтесь кругом!»*, заметна трансформация авторской смысловой парадигмы, акцентирующей маршевое движение и характерные ему маневры. При этом во второй строке мы наблюдаем отсутствие эквивалента, тождественного авторскому эпитету *«словесная кляуза»* со значением *«донос»* [3]. Вместо авторского емкого сатирического выражения переводчик имплементирует нейтральное по стилистической экспрессии словосочетание *“talk-show”* со значением *«ток шоу, телебеседа»* [8], что нивелирует эмоциональный накал начального катрена.

В последующих строках поэт усиливает метафорическую образность повествования посредством аллегории *«Довольно жить законом, данным Адамом и Евой»* [5], в которой, делая отсылку к библейским постулатам о размножении человечества, демонстрирует пренебрежительное отношение к канонам православной церкви и подобной риторикой подтверждает свою приверженность доктринам футуризма с лейтмотивами протеста и отрицания культуры предшественников. В дальнейшем повествовании новаторство поэта становится заметным и на лексическом уровне (например, в ряде неологизмов). В частности, поэт использует прилагательное *«синезубые»* [5] со значением *«матросы»*. Примечательно восклицание *«рейте!»*, то есть *«парите!»*, а также *«орлий»* вместо *«орлиный»*.

Обратимся к срединной части стихотворения, в которой актуализируется проблематика вовлечения иностранных сил в гражданское единоборство молодой советской страны: *«Пусть бандой окружат нанятой, стальной изливаются леевой, – России не быть под Антантой. Левоу! Левоу! Левоу!»* [5]. В начальной строке катрена Маяковский индуцирует развернутую метафору с вкраплением словосочетания *«нанятая банда»*, являющегося исторической аллюзией на чешские полки наемников, что воевали на стороне белогвардейской армии. В последующей строке авторский метафорический окказионализм *«стальной изливаются леевой»*, подразумевающий огненный шквал из пуль и снарядов, наглядно раскрывает последствия такого вмешательства. Данное эмфатическое предложение также включает неологизм поэта *«леевой»*, продуцированный трансформацией устаревшего существительного *«лева»* с лексическим значением *«поток, ливень»* [3]. В третьей строке поэт категорически отвергает возможность подавления молодой России военным блоком Антанты, название которого произошло от французского слова *“entente”* со значением *«согласие, соглашение»* [8], подкрепляя свою убежденность повтором строевой команды *«левоу!»*.

Теперь рассмотрим данные строки в переводе А. Вагапова: *“May them gang up against us, To all their threats we'll be deaf, The Entente shall never suppress us. Left! Left! Left!”* [9]. В начальной строке, переводимой как *«Пусть они объединятся против нас»*, заметно отсутствие авторской семантически значимой метафорической аллюзии на чешские полки, тогда как во второй строке аналога окказионализм В. Маяковского с неологизмом *«леевой»* переводчик подменяет иным предложением, дословно переводимым как *«ко всем их угрозам мы будем глухи»*, что трансформирует смысловую парадигму строчки поэта. Данные смысловые расхождения и неточности английских аналогов лишь подтверждают сложности подбора переводчиком адекватных тождеств разговорной риторике Маяковского. Как образец яркой гражданской лирики, данное произведение также насыщено и другими тропами, в частности метафорической аллгорией *«Пусть, оскалась короной, вздымает британский лев вой»* [5] с упоминанием льва как символа британской монархии, поддержавшей контрреволюционные силы в конфликте Красной армии и Белой гвардии. Поэт призывает матросов *«печатать шаг»*, чтобы *«за горами горя»* увидеть *«солнечный край непочатый»*. В данных словосочетаниях Маяковский по-новому

использует прием гиперболы (преувеличения), чтобы актуализировать перспективу происходящих исторических событий посредством смешивания гражданского пафоса с поэтической иронией.

В контексте социально-гражданской лирики с актуализацией мотива патриотизма достойно внимания и стихотворение Владимира Маяковского 1929 г. «Стихи о советском паспорте», в котором поэт описывает процедуру таможенного досмотра паспортов представителей различных стран, в том числе и автобиографичного лирического героя с паспортом молодой советской страны. Обратимся к начальным строкам произведения: *«Я волком бы выгрыз бюрократизм. К мандатам почтения нету. К любым чертям с матерями катись любая бумажка. Но эту...»* [6]. Эти строчки знаменуют первую часть данного произведения, посвященную критике бюрократизма и избыточных формальностей при досмотре документов. На интонационном и фонетическом уровнях проблематика новаторства раскрывается нерегулярной рифмовкой строк с чередующейся аллитерацией согласных «к» и «ч», а также ассонансом гласных «и» и «у». Примечательна авторская развернутая метафора о негативном отношении к бюрократизму с вкраплением глагола *«грызть»*. Кроме того, необычно представлена поэтом третья строка, включающая побудительное метафорически окрашенное предложение с упоминанием *«чертей»* и других злых духов в контексте эмоциональной экспрессии.

Далее рассмотрим указанные строки в переводе А. Вагапова на одном из поэтических сайтов: *“I'd root out bureaucracy once and for ever. I have no respect for formalities. May every paper go to the devil But for this...”* [10]. В первой строке перевода, дословно означающей *«Я бы искоренил бюрократию раз и навсегда»*, мы замечаем подмену авторских развернутых метафор стилистически нейтральными выражениями. В третьей строке перевода со значением *«пусть все бумаги катятся к черту, кроме этой...»* упоминается злой дух или черт в единственном лице, тогда как в исходной строке Маяковского упомянуты *«любые черти с матерями»*, что углубляет уровень сатирического высмеивания бюрократической атмосферы в кабинетах тех лет.

Во второй части произведения поэт сатирически высмеивает то, с каким рвением таможенники принимают паспорта представителей разных стран. Он подчеркивает, что чиновники таможни *«с почтеньем берут ... паспорта с двухспальным английским левою»*, а американский паспорт взимают *«... как будто берут чаевые»* [6]. И лишь вручение чиновнику советского паспорта повлияло так, что *«...как будто ожогом рот скривило господину»*. В данных слабо рифмованных строках новаторство Владимира Маяковского проявляется на фонетическом уровне, так как поэт искусно индуцирует аллитерацию согласных звуков «п», «р», «с» и «з». Чередующиеся повторы данных согласных, а также новаторское смешивание авторских метафор с образными сравнениями на семантическом уровне придают повествованию дополнительный эмоциональный накал, а также черты поэтической сатиры.

Наконец, обратимся к третьей, кульминационной части стихотворения, которая позволяет лирическому герою сделать вывод о значимости советского паспорта как документа, внушающего уважение к советской идентичности. Поэт комментирует передачу своего паспорта, или *«краснокожей паспортины»*, следующими строками: *«Берет – как бомбу, берет – как ежа, как бритву обоюдоострую, берет, как гремучую в 20 жал змею двухметроворостую»* [6]. В данных строках Маяковский, помимо четырехкратного повтора частицы *«как»*, в каскаде сравнений использует неологизм *«змея двухметроворостая»*. Отметим, что на уровне синтаксиса новаторский поэтический прием Маяковского заключается в использовании максимально сжатых

предложений с превалированием риторических обращений к читателям, что усиливает напряжение стихотворения, пополняя его элементами разговорной риторики.

Теперь рассмотрим эти строки в переводной версии А. Вагапова: *“He takes my pass, as if it were a bomb, a blade or those sorts of things, He takes it with extraordinary caution and scare as if it were a snake with dozens of stings”* [10]. Обратим внимание, что в перечислении метафорически окрашенных сравнительных характеристик паспорта переводчик не упоминает уподобление ежу, а также сравнение с бритвой, которая была «обоюдоострой», то есть «имеющей лезвие с обоих краев» [3]. В заключительной строке аналога, дословно переводимой как «Он берет его с необычайной осторожностью и страхом, как будто это змея с десятками жал» [8], заметно опущение авторского неологизма о змее длиной в два метра. Данные трансформации наглядно подтверждают закономерные трудности подбора эквивалентов тропов и паттернов разговорной риторики, широко используемых поэтом в творчестве.

В завершение отметим, что результаты лексико-семантического и компаративного анализа ранних произведений Владимира Маяковского актуализируют продиктованные футуризмом новаторские приемы стихосложения на интонационном и фонетическом уровнях, в частности использование ступенчатой рифмы, необычной аллитерации и стихотворного ассонанса. При этом на лексико-семантическом уровне примечательно частотное вкрапление поэтом авторских неологизмов, преобладающих в составе таких средств образности, как метафоры и сравнения. Названные тропы поэт употребляет приблизительно в 78 % от общей совокупности стихотворений раннего цикла, а упущения и лакуны в количестве 17 %, образующиеся при переводе данных словосочетаний на английский язык, красноречиво указывают на сложности подбора тождественных эквивалентов.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Кризис искусства. (Репринтное издание). М.: Интерпринт, 1990. 48 с.
2. Власов В.Г. Футуризм. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб.: Азбука-Классика, 2010. 240 с.
3. Ефремова Т.Ф. Самый полный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2015. 3312 с.
4. Маяковский В.В. Очерки 1922–1923 годов. М.: Нобель Пресс, 2011. 76 с.
5. Маяковский В.В. Стихотворения, 1917–1921. URL: <https://ollam.ru/classic/rus/mayakovskiy-vladimir/stihotvoreniya-1917-1921> (дата обращения: 07.11.2024).
6. Маяковский В.В. Стихи о советском паспорте. URL: http://samlib.ru/a/as_w/mayak-biling2.shtml#The_Poem_of_the_Soviet_Passport (дата обращения: 27.11.2024).
7. Мережковский Д.С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 489–509.
8. Электронный словарь Мультитран. URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2> (дата обращения: 17.11.2024).
9. Alec Vagapov. Left march. URL: http://samlib.ru/a/as_w/mayak-biling2.shtml#The_Poem_of_the_Soviet_Passport (дата обращения: 17.11.2024).
10. Alec Vagapov. The poem of the soviet passport. URL: http://samlib.ru/a/as_w/mayak-biling2.shtml#The_Poem_of_the_Soviet_Passport (дата обращения: 27.11.2024).

PHILOSOPHY AND INNOVATION OF VLADIMIR MAYAKOVSKY'S POETRY (AS EXEMPLIFIED IN SOME ENGLISH TRANSLATIONS)

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *In this article, based on lexical and semantic analysis, the problems of innovation in the early poetry by Vladimir Mayakovsky are considered as well as the proportionality of innovative poetic techniques in some translations into English is analyzed. The comparative analysis results in relation to poetic innovation, caused by the poet's passion for the futurism philosophy, demonstrated the significance of neologisms prevailing in the author's metaphors and comparisons in works of revolutionary and agitational orientation.*

Keywords: *slogan, futurism, metaphor, comparison, poetic manifesto, inversion, allegory.*

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия; e-mail: mipe456@hotmail.com

About the author:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of Subdepartment of Second Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 101.1:316.3

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ВЫЗОВЫ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Л.В. Удалова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Удалова Л.В., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-1-22-26

Аннотация. *В статье рассмотрены ключевые особенности техногенной цивилизации, заключающиеся в кардинальных трансформациях технологий и скорости их внедрения, сопровождающихся появлением как возможностей, так и вызовов новой социальной реальности, таких как риски, потенциальные опасности, сложность и неопределенность. Отмечено, что это приводит к зависимости социума от новейших технологий, а также к изменению мировоззрения человека. Особое внимание уделено тому, что причины вызовов заключаются в рационализме, который ценностно не проверен и вышел из-под контроля многофункциональной основы рациональности (мира человеческих ценностей) – Wertswelt. Сделан вывод о необходимости поиска решений для ответа на вызовы современной реальности и подчеркнуто, что важной сферой изучения становятся их симптомы и области проявления.*